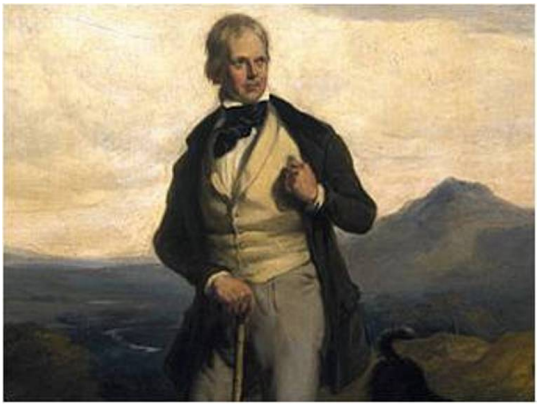
Автор: Administrator
10.01.2011 00:00



Защитником английского Парнаса, солнцем английской поэзии называл Скотт своего молодого соперника. Это не мешало ему критиковать религиозную, политическую и нравственную позицию Байрона. Сравнивая его «Каина» с поэмой Мильтона и силясь отвести от автора обвинение в кощунстве, Скотт мягко разъяснял, что нельзя возлагать на него ответственность за речи его героя Люцифера, который говорит, как и подобает дьяволу (точно такие аргументы приводил и сам поэт!), а ропот и возмущение Каина, как и всякое восстание против бога, возникает потому, что человек не понимает всего божественного замысла в целом и потому не покоряется, а негодует.

Скотт отвергает политические и философские ВЗГЛЯДЫ Байрона. Он не понимает ни нападок поэта на Веллингтона и победу при Ватерлоо, ни его поддержки революции, тогда как «ему и другим агитаторам следовало бы понимать, что они толкают страну к ужасам гражданской войны». Скотт уверяет, что политический радикализм Байрона не серьезен: он усвоил тон, «угрожающий и презрительный по отношению к государственному строю своей страны», но в решающую минуту «он сражался бы па стороне тех, к кому принадлежал по рождению». Здесь Скотт явно принимает желаемое за действительное!

Гораздо больше, чем отсутствием религиозной и политической ортодоксии, Скотт озабочен нравственными воззрениями Байрона. Всеми силами стремится он внушить

младшему поэту веру в человечество. Он считает, что оборотной стороной пессимистического мироощущения и презрения, к людям является философия эпикурейства и гедонизма: мысль о ничтожности всего сущего может толкнуть к нарушению принципов принятой морали. «Протестуя .. . против общего морального направления этой философии уныния и неудовлетворенности, этой холодной, скептической философии, которая бросает тень на все наши надежды на земле и кладет конец всяким надеждам за ее пределами, мы тем не менее охотно приносим этой необычайной поэме («Чайльд-Гарольду».— Н. Д.) дань, которую вправе требовать гений». (Если бы Байрон не ограничивался созерцанием собственных чувств, а радовался общению с другими людьми, в которых всегда есть частица небесного огня, он не был бы так безотрадно печален).